

неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству — перешагнуть через препятствие?» (6, 204) — есть продиктованное естественной логикой, но неуместное в данном случае разделение: здесь *или* следует заменить на *и*. Для Раскольникова все совпало, ибо в основе его преступления лежит лишенная нравственного содержания дилемма: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею» (6, 322), а уж для чего *имею* — благодетельствовать или злодействовать — дело второстепенное. Предположение В. Кирпотина о том, что Раскольникову нужна «идея власти над тварью дрожащей, чтобы ее же, эту тварь, спасти от бедствий и страданий»,²⁰ выдает желаемое за действительное, упрощает и выпрямляет героя и ситуацию.

Сама подобная постановка вопроса совершенно немыслима в устах Базарова, которому и в голову не придет считать себя *тварью дрожащей* или доказывать обратное таким чудовищным способом. «...Настоящий человек тот, о котором думать нечего, а которого надобно слушаться или ненавидеть» (8, 324) — в этой вызывающей базаровской «максиме» есть здравый смысл, которого не хватало Раскольникову: *настоящность*, то бишь *неординарность*, не нужно доказывать — она проявляется сама. Неординарность Базарова и не нуждается в специальных доказательствах, она очевидна для всех, с кем его сводит жизнь, потому что это неотъемлемое свойство его личности. В отличие от *мыслителя* Раскольникова умная девочка Катя поняла, что нельзя хотеть быть *сильным, энергичным*. Базаров «этого и не хочет, а в нем это есть». «Он хищный, а мы с вами ручные», — резонно объясняет она Аркадию (8, 365).

Деление людей на «разряды» (т. е. на разные типы), ставшее фундаментом теории Раскольникова, содержится в приведенных выше рассуждениях Э. Ренана. Оно лежит в основе популярнейших в XIX веке сочинений Т. Карлейля, который, похоже, тоже внес вклад в строительство раскольниковской теории, в частности следующим утверждением: «...всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории».²¹

Наконец, деление на разряды не являлось новостью и в творчестве самого Достоевского. В «Записках из Мертвого дома», откуда исходят многие темы, образы и даже структура будущих произведений, немало внимания уделяется классификации преступников. Очень выразителен в этом плане образ Исай Фомича, которого автор из православного, каковым был реальный прототип, превратил в правоверного еврея, чтобы подчеркнуть, усилить инакость, отстранить и *отстранить* — и тем самым поддержать, обосновать снисходительно-презрительное отношение к нему каторжан, которые дразнили еврея «не из злобы, а так, для забавы, точно так же, как забавляются с собачкой, попугаем, учеными зверьками и проч.» (4, 94). Исай Фомич — это нижний ярус каторжной иерархии, которая очень сильно занимала автобиографического героя, так как одним из важнейших для отторгаемого новой средой «дворянчика» (4, 76) стал вопрос самоидентифи-

²⁰ Кирпотин В. Я. Достоевский-художник: Этюды и исследования. М., 1972. С. 186.

²¹ Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.